

Л.Б. Макеева

Кант, внутренний реализм Патнэма и метафизика*

Макеева Лолита Брониславовна – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: lmakeeva@hse.ru

Во второй половине XX в. во многом благодаря усилиям П. Стросона в аналитической философии возродился интерес к кантовским идеям. Однако многие исследователи усмотрели в этом интересе явный эпистемологический уклон, выразившийся в повышенном внимании к так называемым «трансцендентальным аргументам». Как показано в статье, это обвинение несостоятельно, поскольку есть немало примеров, свидетельствующих об актуальности кантовского подхода к метафизике для аналитических философов. Одним из таких примеров является концепция внутреннего реализма Х. Патнэма, для которого важнейшим достижением Канта является мысль о том, что метафизика возможна, если ее строить не так, как это делали традиционные философы, а исходя из когнитивных возможностей человека и ограничений той эпистемической ситуации, в которой он находится. В результате философия Канта стала важным источником идей для реабилитации метафизики в аналитической традиции и для создания метафизики нового – аналитического – типа.

Ключевые слова: Иммануил Кант, метафизика, аналитическая философия, внутренний реализм, Хилари Патнэм, концептуальная схема

Рецепция философских взглядов Канта в аналитической традиции на всем протяжении ее существования отличалась амбивалентностью и сложностью. С одной стороны, само возникновение аналитической философии историки связывают с предпринятым ее родоначальниками Муром и Расселом «восстанием против идеализма», – прежде всего абсолютного идеализма, вобравшего в себя многие идеи Канта и Гегеля, причем свое отвержение идей немецких философов они мотивировали тем, что они оказались «несовместимыми с реализмом» [Gomes, 2017, p. 18]. Вслед за Фреге, подвергнувшим жесткой критике кантовскую философию арифметики, Рассел доказывал несостоятельность и философии геометрии немецкого мыслителя. Эту критику подхватили логические позитивисты, которые решительно отвергли кантовский анализ научного знания с лежащей в его основе идеей синтетических априорных

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г.

суждений. Негативное отношение к философской системе Канта демонстрировали и многие представители оксфордской философии обыденного языка. Благодаря Куайну в аналитической традиции стал набирать силу натурализм с его антикантовской направленностью. С другой стороны, явная оппозиция аналитических философов к Канту не помешала им заимствовать у него терминологию, многие различия и способы постановки философских вопросов, а также в поиске решений, пусть порой и неосознанно, ориентироваться на его подход. Как отмечает Г.-И. Глок, «мейн-стрим аналитической философии от Фреге до Куайна... определенно формировался кантовскими проблемами» [Glock, 2003, p. 16].

С развитием аналитической традиции в середине XX в. интерес к философии Канта стал возрастать, что вылилось в итоге в появление так называемого аналитического кантоведения, начало которому было положено книгой Питера Стросона «Индивиды», опубликованной в 1959 г. и вызвавшей широкую дискуссию. В более развернутом виде свою «аналитическую интерпретацию» Канта Стросон представил в работе «Границы смысла» в 1966 г., в которой он дал реконструкцию ключевых идей «Критики чистого разума» в духе аналитической философии и заявил о необходимости избирательного подхода к идеям немецкого философа: нужно взять всё ценное для современности и отбросить всё устаревшее и «мертвое». Сосредоточившись в основном на кантовской концепции опыта, Стросон отмечает два важных достоинства этой концепции: во-первых, мысль о том, что «для любой концепции опыта, которую мы можем сделать по-настоящему осмысленной для себя, существенной является определенная минимальная <концептуальная> структура» [Strawson, 1966, p. 11], и, во-вторых, тезис о том, что понятия и категории, составляющие эту минимальную структуру, не могут применяться за пределами опыта¹. Эти две идеи, по мнению оксфордского философа, и образуют соответственно нижнюю и верхнюю границы смысла и противостоят «темной стороне» в учении Канта, включающей несостоятельную метафизику трансцендентального идеализма и трансцендентальную психологию. Важная заслуга Канта, согласно Стросону, состоит также в разработке новых методологических средств – так называемых «трансцендентальных аргументов» – для обоснования концепции опыта и для ответа скептикам.

Эта аналитическая интерпретация философии Канта нашла поддержку у многих исследователей, работающих в аналитической традиции, но одновременно она встретила и жесткую критику в основном со стороны тех авторов, которые изучают идеи Канта в историко-философском ключе. Стросона и его последователей обвинили в «эпистемологическом уклоне» и игнорировании метафизических составляющих кантовского учения. Главный пафос аналитической интерпретации критики усмотрели в стремлении опровергнуть скептицизм посредством трансцендентальных аргументов, т.е., с их точки зрения, демонстрация того, что опыт с необходимостью имеет определенные черты, имеет целью показать, что скептические возражения ведут к искажению этих черт, а стало быть, и к неадекватной концепции опыта, в рамках которой невозможно уже сформулировать сами скептические возражения. Таким образом, стало складываться впечатление, что для аналитических

¹ Стросон пишет об этом так: «Возможно представить себе миры, очень отличающиеся от того мира, который мы знаем. Возможно описать типы опыта, очень отличающиеся от опыта, который мы действительно имеем. Но не любое предполагаемое и грамматически допустимое описание возможного вида опыта было бы подлинно осмысленным описанием. Существуют пределы того, что мы можем вообразить или сделать осмысленным для нас в качестве возможной общей структуры опыта. Исследование этих пределов, исследование набора идей, который формирует ограниченный каркас всего нашего мышления о мире и нашего переживания мира в опыте, очевидно, является важным и интересным философским предприятием. Ни один философ не предпринял более энергичных попыток по его осуществлению, чем Кант» [Strawson, 1966, p. 15].

философов² метафизика Канта не представляет какой-либо ценности и ее вполне можно отнести к философскому «антиквариату». Это, однако, ошибочное и несправедливое впечатление. Строссон, как известно, разработал концепцию дескриптивной метафизики, к главным представителям которой в истории философии он отнес именно Канта. Но еще более убедительным доводом в пользу ошибочности этого впечатления является, на мой взгляд, позиция американского философа Хилари Патнэма в отношении метафизики, что я и постараюсь здесь показать.

Впрочем, признание важнейшей ценности эпистемологии Канта далеко не новость в истории философии. Хотя первые читатели «Критики чистого разума» воспринимали ее прежде всего как вклад в метафизику, уже с середины XIX в. наметился сдвиг в сторону эпистемологии в ее трактовке. Неокантианцы, выдвинувшие лозунг «Назад к Канту!», объявили заслугой Канта, имеющей непреходящее значение, то, что он превратил эпистемологию в фундаментальную философскую дисциплину, основная цель которой состоит в том, чтобы выявлять логические, концептуальные и методологические предпосылки знания. Сходным образом оценивали вклад Канта и многие аналитические философы. Так, по словам Рассела, Кант «заслуживает признания» хотя бы за то, что «он ясно показал значение для философии теории познания» [Рассел, 2000, с. 215].

Отчасти ответственность за возможность такой двоякой трактовки несет сам Кант, кардинально пересмотревший место метафизики в философии и совершивший тем самым нечто аналогичное революции Коперника в астрономии. Своей главной задачей в «Критике чистого разума» Кант считает поиск ответа на вопрос: «как возможна метафизика как наука?» [Кант, 2006а, В22, с. 77]. Он признает, что, с одной стороны, исторический опыт философских построений подводит нас к скептическому выводу, что метафизика как наука невозможна, хотя, с другой стороны, этот опыт одновременно служит убедительным свидетельством того, что метафизика все же существует, «если не как наука, то во всяком случае как природная склонность [человека] (*metaphysica naturalis*)» [Там же, В21, с. 75]. Более того, по мнению Канта, она может стать и наукой, если только будет по-новому переосмыслена. Она должна перестать быть поиском истин об особых объектах и сущностях и сделать своим объектом изучения само познание. Разуму нужно взяться «за самое трудное из своих занятий – за самопознание» и учредить «суд, который подтвердил бы справедливые требования разума, а с другой стороны, был бы способен устранить все неосновательные притязания» [Кант, 2006b, А11–12, с. 15]. Таким образом, философский проект Канта принял вид исследования границ человеческого разума, а это исследование в конечном счете вылилось в решение проблемы синтетических суждений *a priori*. Это связано с тем, что метафизические положения, с точки зрения Канта, относятся именно к этой категории суждений, а проблема такого рода суждений состоит в том, что, с одной стороны, они говорят об объектах или реальности в целом (т.е. являются синтетическими), а с другой, их истинность устанавливается независимо от опыта (т.е. они являются априорными), хотя опыт представляет собой единственный способ, каким люди могут осуществлять эпистемический контакт с реальностью. Стало быть, ответом на вопрос о возможности априорного синтетического знания стала трансцендентальная философия Канта, нацеленная, как известно, на исследование необходимых предпосылок опыта.

Если принять предложенное Кантом «переопределение» метафизики, то не будет ли оно означать превращение ее в раздел эпистемологии, а тем самым и утрату

² Нужно подчеркнуть, что речь идет не об историках философии, а о работающих философах-исследователях, воспринимающих Канта как собеседника в «тысячелетиями длящемся диалоге», к идеям которого обращаются в поисках ответа на современные философские проблемы.

ею своей специфики? Этот вопрос приобретает тем большую остроту, если, вслед за аналитическими философами, мы отвергаем трансцендентальный идеализм и трансцендентальную психологию, которые, по замыслу Канта, и должны были стать ответом на вопрос, почему исследование необходимых предпосылок опыта является по своей сути метафизическим делом. Как известно, свое решение проблемы синтетических суждений *a priori* Кант подытоживает следующим образом: «...синтетические суждения *a priori* возможны, если мы относим к возможному опытному познанию вообще формальные условия созерцания *a priori*, синтез воображения и необходимое единство его в трансцендентальной апперцепции и если мы говорим: условия *возможности опыта* вообще суть вместе с тем условия *возможности предметов опыта* и потому имеют объективную значимость в синтетическом суждении *a priori*» [Кант, 2006а, В197, с. 279].

В этом высказывании Канта содержится ключ к пониманию того, как можно ответить на сформулированный выше вопрос: исследование необходимых условий опыта имеет отношение к метафизике, поскольку позволяет установить, что значит быть объектом, какими сущностными характеристиками должно обладать то, что будет воспринято нами как объект в опыте, ибо эти сущностные черты объектов определяются нашими способами их восприятия и представления. А это в свою очередь позволит ответить на вполне правомерный онтологический вопрос о том, какие виды сущего имеются в воспринимаемом и познаваемом нами мире. Именно в этом смысле, в понимании Канта, и возможна метафизика как наука. Но если мы вслед за аналитическими философами отвергаем кантовский трансцендентальный идеализм и его трактовку синтетических суждений *a priori*, не закрываем ли мы тем самым возможность для подобного решения онтологических проблем? Безусловно, этот вопрос требует углубленного изучения, но если, в качестве объяснения, принять соображение, поддерживаемое многими аналитическими философами (включая Стросона, Куайна и др.), согласно которому для определения онтологической структуры мира следует обратиться к анализу концептуальной схемы, лежащей в основе нашего языка или наших научных теорий; тогда функции, выполняемые кантовскими синтетическими суждениями *a priori*, вполне могут быть возложены на концептуальные схемы. Таким образом, если принять аналитическую интерпретацию философии Канта, то это будет означать, что у него «онтологический поиск сущностей таким образом трансформировался в размышления второго порядка о концептуальной схеме» [Glock, 2003, p. 25]. Я не берусь здесь судить, насколько эта интерпретация адекватна в экзегетическом плане, но это и не столь важно для рассматриваемой мной темы. Важно другое, а именно то, что аналитические философы нашли у Канта новый способ постановки и решения метафизических проблем. По сути, это обстоятельство объясняет, почему к идеям Канта обратился Патнэм в своем неустанном поиске наиболее адекватного варианта реализма.

В творчестве Патнэма интерес к идеям Канта появился в период, когда его философская позиция подверглась серьезной трансформации: если до середины 1970-х гг. он был одним из ярких и последовательных защитников научного реализма, то в декабре 1976 г. в своем докладе перед Американской философской ассоциацией он, к неподдельному удивлению своих коллег, выступил с жесткой критикой последнего, обвинив его в «метафизичности». Взамен Патнэм выдвинул концепцию «внутреннего реализма», вписав ее в так называемую «интерналистскую» философскую перспективу, у истоков которой, по его мнению, стоял Кант. На первый взгляд может создаться впечатление, что американский философ использует идеи своего великого немецкого предшественника для устранения метафизики и для создания более гибкого, не имеющего к метафизике никакого отношения, варианта реализма. Однако это не так. По сути, Патнэм, как и Кант, с самого начала был нацелен на создание нового более приемлемого вида метафизики.

Как известно, Патнэм охарактеризовал метафизический реализм как совокупность трех основных тезисов – тезиса независимости (мир состоит из фиксируемой совокупности независимых от сознания объектов), тезиса единственности (мы можем дать только одно полное и истинное описание мира) и тезиса соответствия (истина есть некоторого рода отношение соответствия между словами, или знаками мыслей, и внешними вещами и множествами вещей) [Putnam, 1981, p. 49–52]. Правда, позже в работе «Репрезентация и реальность» [Putnam, 1988, p. 107] Патнэм добавит к этому списку четвертый тезис – двузначность (независимо от того, способны мы установить его истинностное значение или нет, каждое суждение определенно является истинным или ложным), но, как отмечается в [Van Cleve, 1999, p. 213], это было сделано, скорее, в знак уважения к Даммиту, который считал двузначность отличительной чертой реализма [Dummett, 1996, p. 230]. В своей формулировке внутреннего реализма Патнэм каждому из первых трех перечисленных тезисов противопоставляет иной взгляд: (1) «“объекты” не существуют независимо от концептуальных схем. Мы разрезаем мир на объекты, когда вводим ту или иную схему описания» [Putnam, 1981, p. 52]; (2) может существовать множество истинных описаний мира, отражающих разнообразные человеческие интересы и цели [Ibid., p. 50]; (3) истина представляет собой «(идеализированную) рациональную приемлемость, некий вид идеальной согласованности наших представлений друг с другом и с нашим опытом в той мере, в какой этот опыт находит выражение в нашей системе представлений» [Ibid., p. 49–50]. Интерналистская перспектива, создание которой Патнэм приписывает Канту, по сути, состоит в признании того, что «сознание и мир совместно создают сознание и мир» [Ibid., p. xi].

Хотя Патнэм не называет Канта напрямую внутренним реалистом, а лишь относит его к интерналистской перспективе, многие исследователи задались вопросом о том, согласуются ли тезисы внутреннего реализма с позицией немецкого философа (см., к примеру, [Morgan, 2000; Van Cleve, 1999]). И здесь, конечно, можно обнаружить немало расхождений. Во-первых, поскольку Кант признает не только зависимый от разума феноменальный мир, но и независимый от разума, а потому недоступный для познания ноуменальный мир, ему можно приписать согласие с первым тезисом и метафизического реализма, и внутреннего реализма. Впрочем, сам Патнэм признает, что немецкий философ «не сомневается, что есть некая независимая от сознания реальность», и даже отмечает, что, «возможно, Кант прав: возможно, мы не можем не думать, что *как-то* существует независимое от сознания ‘основание’ для нашего опыта, даже если попытки говорить о нем сразу приводят к бессмыслице» [Putnam, 1981, p. 61–62]. Во-вторых, Кант вряд ли бы согласился со вторым тезисом внутреннего реализма. Признание множества истинных, или правильных, описаний мира есть своего рода выражение концептуальной относительности, поскольку именно многообразие концептуальных схем обеспечивает плюрализм наших описаний мира. Есть все основания считать, что Кант придерживался идеи о возможности одного истинного описания мира, однако, полагает Патнэм, у немецкого философа можно все же обнаружить некий «намека» на концептуальную относительность, ибо в его «Критиках» перед нами предстает «иной вид разума, а с каждым видом разума и то, что можно назвать иным образом мира: научный разум, этический разум, эстетический разум, юридический разум» [Putnam, 1987, p. 43]. И, наконец, вызывает сомнения принятие Кантом третьего тезиса внутреннего реализма, который, по сути, выражает приверженность когерентной концепции истины. Как известно, в первой «Критике» истина характеризуется как «соответствие», хотя Кант называет такую характеристику «номинальной дефиницией» и отмечает, что она не предоставляет нам эпистемологически полезного критерия истины [Кант, 2006а, В82, с. 145]. Мысль о том, что, несмотря на заявления в пользу обратного, немецкий философ придерживался когерентной трактовки истины,

высказывалась исследователями и до Патнэма, но для последнего это, видимо, наиболее важный момент, который позволяет отнести Канта к интерналистской перспективе. В целях обоснования вывода о том, что Кант отошел от понимания истины как соответствия, Патнэм кратко прослеживает историю формирования «метафизически-реалистического» (корреспондентного) представления об истине и показывает, что автор «Критик» был первым философом, отвергшим это представление и осознавшим, что ни о каком соответствии между нашей идеей объекта и независимой от сознания реальностью, ответственной за появление этой идеи, речи быть не может.

Таким образом, как мы видим, прочтение Патнэмом философии Канта вряд ли можно считать «корректным» или «объективным», однако здесь нужно принять во внимание два важных соображения. Во-первых, Патнэм и не стремился к историко-философской точности, он постарался взять у Канта то, что он счел интересным и полезным для исследователя, работающего во второй половине XX в. Он нашел, что перед современными философами стоят задачи, аналогичные тем, что стояли перед немецким мыслителем, с той лишь разницей – и это во-вторых, – что, разделенные двумя столетиями, они формулируют эти задачи по-разному, используя разный концептуальный инструментарий. Если Кант решает задачи метафизики через выявление того, как соотносятся человеческие представления с их предметами или с реальностью в целом, то у Патнэма и других современных философов упор сделан на анализе отношения референции, связывающего языковые знаки и объекты и мире. Такой значительный концептуальный и терминологический сдвиг не мог не сопровождаться расхождением в целом ряде сопутствующих вопросов. Но для Патнэма ключевое значение имеет то, что Кант наметил перспективу как для понимания самой метафизики, так и для решения метафизических проблем.

Так, Патнэм отмечает, что нынешняя философия находится в таком же кризисном состоянии, какое имело место в докантовской философии: и тогда, и сегодня «философия колебалась между равно неработающими вариантами идеализма и реализма» [Putnam, 1994, p. 488]. Ибо в современном научном реализме его сторонники, стремясь определить, что является подлинно реальным, а что нет, принимают допущение о том, что «фундаментальная наука – в единственном числе, поскольку только физика имеет сегодня этот статус, – говорит нам, какие свойства вещи имеют “сами по себе”» [Putnam, 1987, p. 13]. Признав рассуждения о вещах самих по себе «трансцендентной» или «догматической» метафизикой, Кант, по мнению Патнэма, разрешил этот «кризис в философии», признав, что «*ничто вообще* из того, что мы говорим о каком-либо объекте, не описывает данный объект, как он есть “сам по себе”, независимо от его воздействия на нас, существ с нашей рациональной природой и нашей биологической конституцией» [Putnam, 1981, p. 61].

Поскольку для Патнэма как философа, принявшего лингвистический поворот, вопрос о том, как связаны между собой человеческий разум и мир, истолковывается как вопрос об отношении между языком и миром, а в решении этого вопроса определяющая роль отводится референции, главный посыл внутреннего реализма для него состоит в том, что референция языковых выражений к независимым от сознания объектам невозможна. В защиту этого положения американский философ выдвигает ряд известных аргументов (аргумент о «мозгах в сосуде», теоретико-модельный аргумент и др.), которые стали предметом очень широкого обсуждения в аналитической философии. С одной стороны, эти аргументы были призваны показать, что если мы понимаем референцию в духе метафизического реализма, т.е. как отношение к независимым от сознания объектам, то никакого количества признаваемых истинными предложений, включая предложения, использующие термин «референция», не будет достаточно, чтобы единственным образом определить референцию наших терминов, и здесь не важно, насколько разработаны наши теории, включая теории референции, ибо, если они совместимы друг с другом, они могут

быть истинными при бесконечном количестве разных приписываний референтов их терминам. Таким образом, в метафизическом реализме референция не может быть однозначно определена. С другой стороны, эти аргументы, по замыслу Патнэма, демонстрируют беззащитность метафизического реализма перед скептицизмом. Истолковывая референцию как отношение к объектам, как они есть сами по себе, метафизический реалист создает «эпистемическую пропасть» между субъективностью человеческих восприятий и представлений о мире и объективностью самого мира, тем самым подрывая свой собственный проект – обосновать возможность истинных знаний о мире.

Эти и многие другие неразрешимые для метафизического реализма трудности, по мнению Патнэма, легко преодолеть, если встать на позиции внутреннего реализма. Поскольку референция лингвистических выражений определяется концептуальной схемой языка (а с учетом принимаемой Патнэмом концептуальной относительности и множеством таких схем), объекты и обозначающие их выражения становятся чем-то внутренним по отношению к соответствующей схеме, что превращает определение референции в набор тавтологий: «стул» обозначает стулья, «кошка» обозначает кошек и т.п. В таком случае референция сохраняет свой однозначный характер.

Интересно отметить, что положение о невозможности референции к независимым от сознания объектам в принципе можно истолковать двояко – либо признать, что существуют независимые от сознания объекты, но референция к ним носит неопределенный (непостижимый) характер, либо же сохранить определенность и однозначность референции, но признать зависимость объектов от сознания. Первую альтернативу, реализованную в философии Куайна, Патнэм отвергает на том основании, что она возвращает проблемы, связанные с кантовским понятием вещи в себе, ибо «объект, который не имеет вообще никаких свойств в себе и какое угодно свойство “в модели”, является непостижимой *Ding an sich*» [Putnam, 1983, p. xiii]. Для Патнэма вторая альтернатива казалась более привлекательной, поскольку она, по его мнению, позволяла обойти некоторые неприемлемые части учения Канта, в частности его признание вещей в себе. Впрочем, довольно скоро Патнэм признал, что сформулированный им интерналистский подход не устраняет вещи в себе. Ведь, делая упор на реализме, Патнэм не мог вслед за Гудменом принять, что существуют лишь разнообразные создаваемые людьми миры (или описания), без какого-то одного-единственного лежащего за ними реального мира, а потому он вынужден был при формулировке внутреннего реализма так или иначе ссылаться на независимый от сознания мир, который хотя и не доступен нашему познанию, тем не менее определяет, почему отнюдь не все описания мира являются приемлемыми. Таким образом, внутренний реализм Патнэма, как показано в [Хайдемманн, 2021], имеет в качестве своего прообраза эмпирический реализм Канта, согласно которому мы непосредственно воспринимаем вещи, существующие в пространстве и времени, и реальные для нас «в той степени, в которой они суть объекты возможного опыта для нас, т.е. в качестве познаваемых объектов, согласующихся с трансцендентальными условиям опыта» [Там же, § 9]. Впрочем, Кант полагал, что его эмпирический реализм должен быть дополнен трансцендентальным идеализмом, согласно которому вещи как объекты восприятия имеют статус явлений. Такого решения всячески старался избежать Патнэм, но в конечном счете и он вынужден был признать, что его внутренний реализм был попыткой «склеить» элементы реализма и антиреализма. Вместе с тем созвучной своим идеям Патнэм считает мысль Канта о пределах человеческого знания и о непреодолимом желании разума выйти за эти пределы. И хотя, превышая свои возможности, разум попадает в ловушку разного рода антиномий и парадоксов, все же, отмечает Патнэм, «в каком-то смысле задача философии – преодолеть метафизику и в каком-то смысле ее задача – продолжить метафизическое обсуждение», ибо прекращение его было бы «преступлением против разума» [Putnam, 1990, p. 19].

Как мы видим, Патнэм, вслед за Стросоном, при построении онтологической картины мира опирается на кантовский подход и ключевую роль в этом процессе отводит концептуальной схеме и основанной на ней референции языковых выражений. Правда, при этом он значительно меньше внимания уделяет кантовской концепции опыта, по сути, отмечая лишь, что гениальность немецкого мыслителя проявилась в том, что он отверг представление эмпириков Нового времени об опыте как состоящем из «чистых» ощущений, не зараженных концептуализацией, и пришел к выводу, что «ощущения – “объекты внутреннего чувства” – находятся на одном уровне с так называемыми “внешними объектами”. Они так же охвачены сетью верований и концептуализацией, как и внешние объекты» [Putnam, 1987, p. 43]. Но в любом случае и Стросон, и Патнэм, развивая ответ Канта на вопрос, как возможна метафизика, представили свои варианты метафизики.

Стросон и Патнэм принадлежат к числу тех философов, усилиями которых во второй половине XX в. началась реабилитация метафизики в аналитической традиции, которая означала не возврат к старой дискредитировавшей себя догматической метафизике, а создание ее нового – аналитического – типа. И в этом деле как Стросон, так и Патнэм вдохновлялись кантовскими идеями о том, как возможна метафизика. А это в свою очередь означает, что не только гносеология и этика великого немецкого мыслителя сохраняют актуальность в философии XX и XXI вв.

Список литературы

- Кант, 2006а – *Кант И.* Критика чистого разума. 2-е издание (В) // *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2. Ч. 1. М.: Наука, 2006.
- Кант, 2006б – *Кант И.* Критика чистого разума, 1-е издание (А) // *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. М.: Наука, 2006. Т. 2. Ч. 2.
- Рассел, 2000 – *Рассел Б.* Проблемы философии / Пер. с англ.; общ. ред., послесл. и примеч. А.Ф. Грязнова // *Джеймс У.* Введение в философию. *Рассел Б.* Проблемы философии. М.: Республика, 2000. С. 153–279.
- Хайдеманн, 2021 – *Хайдеманн Д.* Кант и формы реализма / Пер. с англ. М.Д. Евстигнеева // *Трансцендентальный журнал.* 2021. Т. 2. Вып. 1. URL: <https://transcendental.su/S271326680015836-9-1> (дата обращения: 01.10.2024).
- Dummett, 1996 – *Dummett M.* The Seas of Language. Oxford: Oxford University Press, 1996.
- Glock, 2003 – *Glock H.-J.* Strawson and Analytic Kantianism // *Strawson and Kant / Ed. by H.-J. Glock.* N.Y.: Clarendon Press, 2003. P. 15–42.
- Gomes, 2017 – *Gomes A.* Kant, the Philosophy of Mind, and Twentieth-Century Analytic Philosophy // *Kant and the Philosophy of Mind: Perception, Reason, and the Self / Ed. by A. Gomes, A. Stephenson.* Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 5–24.
- Moran, 2000 – *Moran D.* Hilary Putnam and Immanuel Kant: Two ‘Internal Realists’? // *Synthese.* 2000. Vol. 123. No. 1. P. 65–104.
- Putnam, 1981 – *Putnam H.* Reason, Truth and History. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Putnam, 1983 – *Putnam H.* Realism and Reason. Philosophical Papers. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Putnam, 1987 – *Putnam H.* The Many Faces of Realism. La Salle, IL: Open Court, 1987.
- Putnam, 1988 – *Putnam H.* Representation and Reality. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology Press, 1988.
- Putnam, 1990 – *Putnam H.* Realism with a Human Face. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.
- Putnam, 1994 – *Putnam H.* Sense, Nonsense, and the Senses: An Inquiry into the Powers of the Human Mind // *Journal of Philosophy.* 1994. Vol. 91. No. 9. P. 445–517.
- Strawson, 1966 – *Strawson P.F.* The Bounds of Sense. An Essay on Kant’s *Critique of Pure Reason.* L.: Methuen, 1966.
- Van Cleve, 1999 – *Van Cleve J.* Problems from Kant. N.Y.: Oxford University Press, 1999.

Kant, Putnam's Internal Realism and Metaphysics³

Lolita B. Makeeva

HSE University, 20 Myasnikskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: lmakeeva@hse.ru

In the second half of the 20th century went through the revival of interest to Kantian ideas, mainly due to Peter Strawson's efforts. However, many researchers saw in the interest an evident epistemological bias which manifested itself in the stressed attention to the so-called "transcendental arguments". As is shown in the paper, this charge is not well-grounded since there are many instances which testify to the effect that Kantian approach to metaphysics is relevant for analytic philosophers. One of such instances is the conception of internal realism of Hilary Putnam's for whom Kant's most important achievement is the thought that metaphysics is possible if it is constructed not in the way that traditional philosophers used to construct it, but if we proceed from human cognitive possibilities and limitations of the epistemic situation in which humans are put. As a result, Kant's philosophy became an important source of ideas for the rehabilitation of metaphysics in analytic tradition and for the creation of a new – analytic – type of metaphysics.

Keywords: Immanuel Kant, metaphysics, analytic philosophy, internal realism, Hilary Putnam, conceptual scheme

References

- Dummett M. *The Seas of Language*. Oxford: Oxford University Press, 1996. 504 p.
- Glock H.-J. Strawson and Analytic Kantianism. In: *Strawson and Kant*, ed. by H.-J. Glock. New York: Clarendon Press, 2003, pp. 15–42.
- Gomes A. Kant, the Philosophy of Mind, and Twentieth-Century Analytic Philosophy. In: *Kant and the Philosophy of Mind: Perception, Reason, and the Self*, ed. by A. Gomes, A. Stephenson. Oxford: Oxford University Press, 2017, pp. 5–24.
- Heidemann D. Kant i formy realizma [Kant and the Forms of Realism], trans. by M.D. Evstignyev, *Transcendental Journal*, 2021, vol. 2, issue 1. Available at: <https://transcendental.su/S271326680015836-9-1> (accessed 01.10.2024). (In Russian).
- Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. 2-e izdaniie (B). In: Kant I. *Sochineniya na nemetskom i ruskom yazikah* [Works in German and Russian], vol. 2, part 1. Moscow: Nauka Publ., 2006. 1081 p. (In Russian)
- Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. 1-e izdaniie (A). In: Kant I. *Sochineniya na nemetskom i ruskom yazikah* [Works in German and Russian], vol. 2, part 2. Moscow: Nauka Publ., 2006. 936 p. (In Russian)
- Moran D. Hilary Putnam and Immanuel Kant: Two 'Internal Realists'?, *Synthese*, 2000, vol. 123, no. 1, pp. 65–104.
- Putnam H. *Reason, Truth and History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Putnam H. *Realism and Reason. Philosophical Papers*, vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Putnam H. *The Many Faces of Realism*. La Salle, IL: Open Court, 1987.
- Putnam H. *Representation and Reality*. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology Press, 1988.
- Putnam H. *Realism with a Human Face*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.
- Putnam H. Sense, Nonsense, and the Senses: An Inquiry into the Powers of the Human Mind, *Journal of Philosophy*, 1994, vol. 91, no. 9, pp. 445–517.
- Russell B. Problemy filosofii [The Problems of Philosophy], trans., ed., afterword and notes by A.F. Gryaznov. In: James W. *Vvedeniie v filozofiyu* [An Introduction to Philosophy]. Russell B. *Problemy filosofii* [The Problems of Philosophy]. Moscow: Respublika Publ., 2000, pp. 153–279. (In Russian)
- Strawson P.F. *The Bounds of Sense. An Essay on Kant's Critique of Pure Reason*. London: Methuen, 1966.
- Van Cleve J. *Problems from Kant*. New York: Oxford University Press, 1999.

³ The article has been prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program, 2023.